

ГЛАВА 1

*Англия
Декабрь 1486 года*

Смотреть на убийство было выше ее сил.

Чрезмерной щепетильностью леди Кэтрин Милтон ни в коем случае не отличалась, но зрелище было поистине невыносимое: благородного красавца оленя раздирала свора гончих псов. Изящно промчав по поляне, животное скрылось в зарослях королевских угодий, издавна известных как Новый лес; от погони оно уходило с ловкостью и силу проявляло порой недюжинную. И вот олень поник. Король с придворными уже приближались; решающий удар будет нанесен с минуты на минуту.

Кейт натянула поводья, и лошадь перешла на легкую иноходь. Пускай остальные скачут вперед по узкой тропке, круша все на своем пути. Она и так весь день плелась в хвосте среди придворных, пэров и их дам. Кейт решила сказать, что ее лошадь выбилась из сил. Если повезет, к ее возвращению кровавая расправа будет уже завершена.

Она бы предпочла и вовсе не ехать сегодня на охоту, но просьба короля приравнивалась к приказу. Добывать свежую оленину для сотен гостей, стекавшихся к королевскому столу, Генрих Седьмой любил в компании приближенных, а в канун Рождества мяса требовалось больше обычного. К тому же девицы на выданье, призванные ко двору, обязаны были продемонстрировать потенциальным ухажерам свои навыки верховой езды.

Выдав замуж прошлым летом Изабель, старшую сестру Кейт, король тем самым разрушил жуткое проклятие трех граций и теперь намеревался повторить свой триумф дважды. Изабель переехала на север страны с супругом и полугодовой Мэделин, внебрачной дочерью короля, которую ей отдали на воспитание, а младшая сестра Кейт была здесь — скакала сейчас где-то впереди. Отсутствие сестры едва ли встревожит Маргарет: Кейт нередко отбивалась от охотничьих отрядов под конец травли.

Сгущались сумерки, тучи нависали все ниже. Воздух наполнился предчувствием снегопада, и Кейт с удовольствием провела бы вечер у камина с вышивкой и бокалом глинтвейна в руках. Ее туловище пока что согревала подбитая горностаем накидка, но кончик носа уже изрядно замерз, а стопы и кисти под перчатками она почти не чувствовала. Безобразный финал охоты хотя бы обещал скорое возвращение в Винчестерский замок, где их ожидал треск поленьев в камине и ароматы горячего ужина.

Внезапно серая кобыла вскинулась и понесла. Кейт прижала колено к луке дамского седла, пытаясь одновременно оглядываться по сторонам и управлять поводьями. Красавица Розамонд, прозванная Роузи уже через час после официального наименования, никогда не возбуждалась понапрасну: должно быть, она почуяла близкую опасность.

Единственным заметным движением были легкие порывы ветра, шелестевшего в ветвях вековых дубов, буков и ольх, что переплетались в вышине над тропкой. Топот копыт, крики и пение охотничьих рожков, скрывшись вдалеке, оставили после себя неестественную тишину. Запах прелых листьев, потревоженных охотниками, смешивался в воздухе с влажными запахами мхов и лишайников.

Но Кейт различила еще один запах — знакомый, скверный, настоящий смрад.

Выскочив из подлеска, свирепый вепрь ринулся прямо на наглецов, посмевающих вторгнуться в его владения. Из-под копыт, остервенело роющих землю, вздымались облачка сухой листвы; черные глазки сузились до щелок, а по бокам полуопущенной морды поблескивали в вечернем свете острые кривые клыки.

Кобыла в ужасе заржала и встала на дыбы. Едва коснувшись земли передними ногами, она галопом устремилась в непроходимую чащобу.

Вепрь кинулся следом за ней.

Кейт слышала за спиной его хрюканье и фыркание, а один раз даже раздался пронзительный вопль — не то боли, не то ярости. Времени, чтобы оглянуться, у нее не было. Одной рукой держа поводья, другой Кейт судорожно хваталась за лошадиную гриву. Роузи непременно уйдет от погони, хозяйка безгранично ей доверяла. Глухо топоча копытами, незримый вепрь за спиной казался уже подлинным чудовищем.

Колочие ветви порвали ниспадающую юбку Кейт, сбросили с головы капюшон и впились в вуаль. Пока Роузи перепрыгивала через поваленные бревна, оббегала кустарники и вброд преодолевала змеистые ручьи (точнее, один и тот же ручей — дважды), наездница раз десять едва не выпала из седла. Вцепившись в гриву Роузи, Кейт подскакивала и раскачивалась из стороны в сторону, все это время истово молясь под бешеный стук собственного сердца.

Когда Роузи припустила по проторенной дорожке, Кэтрин поняла, что Господь услышал ее молитвы. Дорожка была довольно широкая: возможно, лесники или егеря ходили этим путем к замку. Усталая лошадь сбавила ход и сменила галоп на рысь.

Кейт наконец перевела дыхание и посмела оглянуться. Вепрь исчез из виду и не напоминал о себе даже звуками. Наверное, они выехали за пределы его владений, или же зверь попросту утратил к ним всякий интерес. Кейт на мгновение

закрывает глаза, чтобы воздать хвалу Господу, но чувство облегчения оказалось недолговечным.

За следующим изгибом тропинки высились густые заросли, преграждавшие путь. С двух сторон, словно часовые, стояли могучие дубы; ветви их покоились на кустах защитным покровом.

Кейт замерла в оцепенении, глядя на бесформенную груду гнилых бревен и валежника. Она-то надеялась, что тропинка рано или поздно выведет ее к охотникам, но это препятствие Роузи было не одолеть: слишком оно было высокое, слишком широкое. Возможно, удастся его объехать, но для этого придется сделать большой крюк. Как бы не сбиться с пути. В Новом лесу, принадлежавшем королю, оставалось еще столько неизведанных территорий. Селиться тут было запрещено законом. Немногие отваживались соваться сюда, не заручившись милостивым позволением; тех же, кто тут заблудился, почти никогда не находили, а если и находили, то слишком поздно.

Сверху послышался легкий шорох. Кейт подняла голову и увидела притаившегося на ветке мужчину. Волосы его торчали неопрятными вихрами, но в жалких обносках еще можно было угадать некогда роскошное одеяние. Лицо мужчины расплылось в беззубой ухмылке. Он ухватился за ветку и спрыгнул на землю прямо перед Кейт. Роузи попятилась и тревожно заржала. Незнакомец взял ее за уздечку и грубо дернул вниз.

Неописуемый ужас обуял Кэтрин. Она попыталась защитить животное, чьи нежные десны прорезало грубой кожей, но безуспешно. Сколько раз ей твердили: не ходи в лес одна. Там живут жуткие создания, тролли и чудовища-людоеды с человеческими лицами. А еще разбойники, которые обирают всякого, кто имеет неосторожность попасться им на глаза. От женщин им нужно лишь одно. Но только после того, как они отнимут все прочие ценности.

На Кейт был золотой крестик, доставшийся ей от матери, золотое кольцо с рубином, которое ей подарила Изабель, и итальянский кинжал, пристегнутый к поясу, с серебряной филигранью на эфесе черного дерева и точеным лезвием: подарок от первого возлюбленного. Ни одно из этих сокровищ она не согласна была отдать без боя. Правая рука непроизвольно скользнула под горностаевый полог и нащупала рукоятку на кожаном охотничьем поясе.

— Ну, что тут у нас?

Голос незнакомца был словно двухслойным: слой дерзости и слой сладостного предвкушения. Он стоял, широко расставив ноги, а лицо его, хоть и давно не мытое, все равно светилось — злорадством. Кейт по выговору опознала в нем мелкого дворянина, очевидно, разорившегося во время нескончаемых войн; не исключено, что он был ренегатом, бежавшим из поверженной армии Ричарда Третьего. Нет, это точно не рядовой крестьянин, преступивший закон. Слишком уж вызывающе он держался.

Ничего хорошего эта нахальная усмешка не сулила. Впрочем, паниковать Кейт не собиралась.

— Я очень рада нашей встрече, сэръ, — сказала она, превозмогая сердечный трепет и натянуто улыбаясь разбойнику. — Из-за досадной случайности я отбилась от королевского охотничьего отряда. Вы не могли бы указать мне дорогу?

— Королевского, говоришь? — Глаза незнакомца засверкали еще ярче. — Небось, ты фаворитка Генриха, да? По такой леди король будет тосковать.

Самоуверенная интонация предполагала близкое знакомство с пристрастиями короля, но на Кейт это произвело такое же впечатление, как на Роузи, которая лишь фыркнула, пытаясь отстраниться от источаемого мужчиной зловония. А может, отвращение у чистокровной лошади вызвали его подельники, постепенно выступавшие из-за